

НА РАЗВАЛИНАХЪ КОЛИЗЕЯ.

(Изъ Чайльд-Гарольда, Байрона).

О, Время, ты, что красоты вѣнецъ
Развалинамъ даешь,—о, добрый геній,
Единый врачъ истерзанныхъ сердець
И исправитель нашихъ заблуждений;
Ты, пробный камень чести людской,
Любви и дружбы искренней и ложной,
Единственный мудрецъ, судья святой,
Творящій судъ правдивый, непреложный,—
Хоть иногда и долго, долго ждешь
Своей поры и мзда твоя и кара,—
О, Время-мститель! отъ твоихъ щедротъ
Молю теперь единственнаго дара.

Среди руинъ, гдѣ ты гигантскій храмъ
И свой алтарь воздвигло Разрушенью,
Гдѣ жертвъ твоихъ курится фиміамъ —
И моему дай мѣсто приношенью.
Мои дары—руины прошлыхъ лѣтъ,
Не многихъ, во отиѣченныхъ судьбоу;
Не внемли мнѣ, когда напрасно свѣтъ
Я оскорблялъ и чорствъ я былъ душоу;
Но если я презрѣнье сохранилъ
Къ врагамъ, что такъ противъ меня возстали —
Ужель свой крестъ напрасно я носилъ,
И не придетъ *для ниль* пора печаль?

О ты, что свой правдивый счетъ ведешь,
Гдѣ всякая записана обида,
И зарой за неправду воздаешь,
Столь чтима у древнихъ Немезида,—

Ты, по чьему велѣнію толпой
 Изъ тартара всѣ фуріи стеклися
 И подвали вокругъ Ореста вой
 О мщеніи,—тебя зову, проснися!
 Здѣсь, на руинахъ царства твоего,
 Тебя теперь изъ праха вызываю...
 Иль ты не слышишь вопля моего?—
 Но встанешь ты, я твердо уповаю.

Я не скажу, что я за грѣхъ отцовъ,
 Или за свой, не долженъ заплатиться,
 И рану я выдерживать готовъ,
 Которая въ груди моей дымится,
 Когда-бъ ее нанесъ мнѣ правый мечъ,
 Когдабъ я зналъ, за что я такъ страдаю;
 Теперь же кровь моя не будетъ течь,
 Ее тебѣ отнынѣ посвящаю;
 Ты отомстишь, — для мщенья время есть,
 Когда карать неправду ты возьмешься,
 Хотябъ я самъ и позабылъ про месть,
 Хотябъ я спалъ — ты за меня проснешься.

И если вдругъ раздался голосъ мой,
 То вызванъ онъ не пыткой страданья, —
 Видалъ ли кто, чтобъ гордой головой
 Я поникалъ въ минуту испытанья? —
 Но памятникъ хочу въ моихъ стихахъ
 Я по себѣ оставить; пусть ислѣветъ
 Въ могилѣ мой давно забытый прахъ,
 Но никакой ихъ вѣтеръ не развѣетъ;
 Значеніе пророческое ихъ
 Когданибудь для міра объяснится,
 Придетъ пора — и на людей мой стихъ,
 Какъ громъ изъ тучъ, проклятьемъ разразится.

Проклятіемъ — прощенье будетъ. Мнѣ ль, —
 О мать-земля, о небо, къ вамъ зываю! —
 Мнѣ ль нечего прощать? и неужель
 Въ борьбѣ съ своей судьбой я не страдаю?
 Или мой мозгъ не высохъ оттого?
 Иль люди жизнь мою не отравили,
 Не растерзали сердца моего
 И клеветой меня не заклемили?

И если я въ отчаянье не впалъ,
 Такъ потону, что противъ бѣдъ гнетущихъ
 Природа мнѣ дала не тотъ закалъ,
 Чтѣ у людей, вокругъ меня живущихъ.

Я-ль не знавалъ житейской суеты,
 Отъ крупныхъ золъ до хитрости ничтожной,
 Отъ громкаго хуленья клеветы
 До шопота намѣны осторожной
 Тѣхъ низкихъ душъ, которыхъ тонкій адъ
 Невидимо вредить своей отравой,
 И чей прямой, повидимому, взглядъ
 Исполненъ лжи и хитрости лгуавой;
 Такъ холодна, такъ сдержанна ихъ рѣчь,
 Безмолвно лгутъ они открытымъ взоромъ,
 Лишь вздохъ порой, или пожатые плечи
 Ихъ выдаютъ вѣрнымъ своимъ укоромъ.

Но я вѣдь жилъ, и не напрасно жилъ;
 Мой умъ свою утратить можетъ силу,
 Огонь, чтѣ кровь мою животворилъ,
 Погаснетъ, и я самъ сойду въ могилу; —
 Но *что* есть въ груди моей, чего
 Не истребить ни время, ни страданье;
 Пусть я умру, но будетъ жить его
 Незримое, безсмертное дыханье;
 Какъ арія забытая пѣвца,
 Она порой смутитъ ихъ духъ волнешемъ,
 Расплавитъ ихъ желѣзные сердца
 И душу ихъ наполнитъ сожалѣньемъ.

Теперь конецъ. Привѣтствую тебя
 Могущество безъ наименованья,
 И безъ границъ! Полночный часъ любя,
 Ты бродишь здѣсь, средь мертваго молчанья...
 Тамъ твой пріютъ, тамъ твой любимый домъ,
 Гдѣ высатся оставленные стѣны,
 Какъ мантией покрытыя плющомъ,
 И ты даришь средь величавой сцены,
 Давая ей тотъ смыслъ, тотъ духъ живой,
 Чтѣ важется, какъ будто мы, незримо,
 Участвуемъ взволнованной душой
 Въ дѣлахъ вѣковъ, давно мелькнувшихъ мимо.

Здѣсь шумъ толпы арену волновалъ,
 При эрблищѣ кроваваго сраженья,
 То бурей восторженныхъ похвалъ,
 То ропотомъ невнятнымъ сожалѣнья.
 Изъ-за чего жь тутъ рѣзались рабы
 И погибалъ несчастный гладиаторъ?
 Чернь тѣшилась поворомъ ихъ борьбы,
 И тѣшился жестокой императоръ!
 Такъ чтожь? не все-ль равно, гдѣ люди мрутъ?
 Арены кругъ и славной битвы поле—
 Лишь разныя двѣ сцены, гдѣ гниютъ
 Главнѣйшіе актеры ихъ,—не болѣ...

Боецъ лежить, смертельно пораженъ,
 Опершись на слабѣющія руки,
 Не жить ему, но мужественно онъ
 Выносить боль своей предсмертной муки.
 И падаетъ изъ раны тяжело,
 По каплѣ, такъ какъ дождь передъ грозой,
 Густая кровь, и блѣдное чело
 Склоняется все ниже надъ землею...
 Въ безуміи восторга своего
 Толпа шумить, и, въ изступленьи дикомъ,
 Привѣтствуетъ соперника его
 Безжалостнымъ, безчеловѣчнымъ кликомъ.

Онъ слышалъ всё, но кликамъ не внималъ;
 Не думалъ онъ о жизни угасающей,
 И мутныхъ глазъ своихъ не обращалъ
 Къ толпѣ, вокругъ безумно ликовавшей;
 Нѣтъ, взоръ его былъ съ сердцемъ вмѣстѣ, тамъ,
 У хижины, на берегу Дуная,
 Гдѣ бѣгали безвѣчно по полямъ
 Его малютки, весело играя;
 И тамъ ихъ мать... Но гдѣ же ихъ отецъ?
 Зарѣзанъ онъ, для развлечения Рима!...
 О, готы! чтѣ-жь? восстаньте наконецъ,
 Пусть будетъ мечь грозна, неумолима!

Д. Микаловскій.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

1868

№ 3 МАРТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевского (Литейная, № 38)